

Михаил Волохов

Людмила Гурченко Живая

образы памяти

В глубине сцены деревянная виселица эпохи отечественной войны.

На табуретке под виселицей стоит огромная ваза с широким горлышком полная роз. Горлышко вазы стянуто петлей веревки виселицы - как горло человека.

Людмила Гурченко сидит на диване

Поёт песню «В лесу прифронтовом»

Нарушение верности – основной лейтмотив моего, Людмилы Гурченко, творчества.

Я не могу выносить измены. Верность для меня – основа жизни. И классные, галантные, талантливые мужчины - как мой папа - Марк Гаврилович. Я ведь всегда искала человека похожего на папу, у которого кулак - как он говорил: «пять пальцем свинцом налиты смертью пахнут». И таким мужчиной был эталон Ален Делон.

Но прежде всего, я пыталась стать очень хорошей, верной актрисой, чтобы ты, моя дорогая публика, была мне верна и благодарна всю мою жизнь.

Поэтому я и стремилась быть всегда вечно молодой и красивой. Это очень важно для моей профессии – быть всегда в форме - потому что ты, публика в зале, должна вместе со мной подтянуться – значит, можно быть такой успешной, талантливой и красивой, как я, значит, можно быть счастливой, как я... *(Утирает слезу).*

Просить и жаловаться нельзя. «С утра - полу урод, вечером - Богиня.»
Так говорил мне про меня папа.

Я, Людмила Гурченко – хрупкая женщина с мощным характером – настоящая советская барышня, родившаяся на территории бывшего мощного тоталитарного Советского Союза – моей Родины - двенадцатого ноября тысяча девятьсот тридцать пятого года.

И, кстати - это очень, кстати - мой французский, практически близняшка брат – да - кровный брат по духу - Ален Делон, которого я всю жизнь безумно, но очень тихо, реально беззвучно любила - родился всего на четыре дня раньше меня – восьмого ноября тысяча девятьсот тридцать пятого года.

Делон – мой сон во сне идеальной любви.

И в творчестве мы начинали вместе в 1957 году.

Молодой, прелестнейший Делон - с чистотой любви и нежностью в душе – он так прекрасно начинал творить своё искусство.

И конечно, я без конца ходила на фильмы с его участием, где я могла любоваться им своим - молодым человеком – особенно в весьма печально грустном фильме Висконти - «Рокко и его братья».

Потом Делон поднял мне настроение в «Бассейне» - с Роми Шнайдер, «Мелодии из подвала» с Габеном, «Борсолино и компания» с Бельмондо, в «Прощай друг» - с Чарльзом Бронсоном.

И конечно же, в «Красном солнце» - с Урсулой Андресс на коне.

Вот эту роль - с Урсулой Андресс на коне в «Красном солнце» и в сказочном актерском треугольнике с Делоном, Бронсоном и Тосиро Мифунэ – любимым актером Куросавы, я бы сыграла намного более изящно, чем Урсула Андресс.

Как меня пленила эта зажигательная роль взбалмошной Кристины - подружки Гоша - Алена Делона.

Это счастье - так скакать на гнедой лошадке и всех сшибать наповал своим выпирающим сквозь петельки рубашечки - упругим сочным

бюстом! Уверяю вас - мой бюст был чудеснее в тысячу крат - в те заводные молодые годы.

Просто удивительно - Ален Делон старше меня всего на четыре дня - мой старший роковой брат Рокко - одной с моей актёрской группой крови человеческой.

После просмотра фильма «Рокко и его братья», где Делон играл самого сильного брата – он покорила меня безмерно. Я хотела в этом фильме быть Ани Жирардо. Ее убивает брат Алена Делона - Симонэ, за то, что Делон ее любит и она отвечает роковой взаимностью.

Потом я ревновала Делона к Мирей Дарк.

Вы, помните, эту актрису из фильма «Высокий блондин в черном ботинке» с ее атласной классной голой жопой, выглядывающей из-под атласного черного платья, с вырезом на спине больше, чем ее спина и ягодицы.

Да – эта роковая блондинка Мирей Дарк прожила с Делоном целых 18 лет, но не смогла родить ему ребёнка и они расстались.

Делону я бы родила... Возможно. Но только до того момента пока Делон не стал играть этих своих полицейских детективов без искренней любви и нежности в душе... Дела монетного двора... Судьба...

Я – Людмила Гурченко – самодостаточный актерский, женский элемент - больше всего на свете любила рожать роли для поднятия своего, в первую очередь, творческого настроения - рожать здоровые, полноценные, незабываемые, вечные женские образы.

А потом, так естественно получалось - эти мои живительные женские образы поднимали дух прекрасным, идеальным мужчинам и не менее прекрасным идеальным женщинам, во благо жизни и любви.

Любя себя, актер великий - через сцену помогает всем!

Бог же дал талант - воплотить папину мечту - стать великой актрисой в веселой и здоровой компании, в веселой и здоровой творческой зоне своего контролируемого культурного и благостного сумасшествия.

А не в бездарной плоской зоне беспомощного, тщеславного самоутверждения – как получалось у многих блатных прибогемных аля актёрских закомплексованных пистончиков с родственными связями.

Здесь Делон меня прекрасно понимал. А кто не понимал – Делон с превеликим удовольствием набил бы морду - этим бездарным проходимцам нервотикам, шизоидам в искусстве.

Они же никогда не успокаиваются - эти симулякры недоделки высерки - тяжело болеют от своей неизлечимой бездарности и переносят эту свою нервическую, пагубную заразу на других.

Реально деловары-киллеры мешают настоящим талантам раскрыть свой блистательный дар небесный в полном колокольном звоне. А только высший дар актерский способен передать народу, людям – Спасительное Духовное Озарение для обретения возможного счастья в этой нашей так невыносимо несуразной жизни.

Но мы - настоящие - не невротические творческие русские «Смелые люди» всегда на белых и здоровых боевых конях.

Заразительно шикарный актер Сережа Гурзо. Очень лиричный и естественный, как сама та горная природа, по которой к звездам скачет его конь. Мне такой хотелось быть.

Мне всегда хотелось быть такой любимой, героической и для своей любимой дочки мед сестрички Маши, и для своего небесного внучика Марика, и для своего любимейшего папочки Марка и мамочки моей - Елены Александровны Симоновой-Гурченко.

С мамой мы прошли всю харьковскую немецкую оккупацию. Даже вместе избежали смерти в машине душегубке.

Это такая убойная, для групповой казни фашисткая авто машина с выхлопной трубой, направленной в герметичный кузов. В это авто фашисты запихивали людей - человек по пятьдесят – плотно, как селедку в банках.

А когда авто начинало ехать - минут через, те же, пятьдесят - все люди в этой душегубочной каптельне задохались и погибали. Изуверская казнь.

Немцы придумали такие массовые удушающие казни, чтобы самим, как бы, совестью не мучиться, при нажатии на курок пистолета, если надо было сразу одному военному немцу прикончить не одну сотню пленных людей.

Мама тогда со мной в фашистском Харькове торговала на базаре.

И немцы – вторые немцы эсэсовцы, что пришли после первых - не таких злых немцев, которых поначалу на пару недель выбили наши славные, но малочисленные и такие измученные красноармейцы.

Так вот - те вторые немцы, которые выбили уже наших героических красноармейцев – были очень злыми, овчаристыми, эсэсовскими немцами и устраивали облавы на рынке, где мы - оккупированные ими детки и бабки с мамками - харьковчане, могли что-то там на рынке продать, чтобы как-то, мало-мальски, по собачьи выжить.

Это было ужасно, как эти эсэсовские фашистские немцы своими клыкастыми фашистскими немецкими овчарками загоняли нас, не успевших вовремя скрыться с рынка - нас - голодных и холодных, сырых харьковчан - в свои адские машины душегубки.

Цель? Так фашисты пытались проредить и подавить харьковское сопротивляющееся гордое население. И мы с мамой, которая торговала на рынке табаком, чтобы нам не сдохнуть с голода, - один раз вот чуть и не попали, после фашистской облавы, в такую адскую машину душегубку.

Это какое-то ужасное подобие казни в фаларийском быке. Когда голых древних римлян, приговоренных к казни, помещали в пустого, сделанного из листовой меди, быка. А под брюхо этого быка – огонь. И человек умирал в невыносимых муках.

А все зрители этой казни слышали, что будто воет настоящий бык – потому что в ноздрях медного быка были встроены специальные преобразователи человеческих воплей в мычание быка.

В немецких душегубках свои человеческие стоны слышали, какое-то время, только те люди, которые так же задохались от выхлопного угарного газа адской фашистской душегубки.

Немцы в это время сохраняли и нежно лелеяли свою совесть и здоровье.

Когда людей только зашвыривали в эту адскую машину – многие, напоследок, на пороге кузова машины, захватывали как можно больше свежего воздуха. Но это, конечно, не помогало.

Особенно, мне запомнился один наш удивительный блаженный, который тоже попал под эту душегубную фашистскую раздачу.

Он принялся танцевать, находясь уже на пороге адского кузова этой машины.

Немцы поначалу ошалели от такого скоморошьего русского выступления, но дотанцевать блаженному человеку дали – под свою немецкую гармошку. Но потом, под свой и его юродивый дружный смех, затолкали и его последнего в эту душегубку и закрыли плотно за ним дверь.

Из моих глаз тогда, помню, катились слезы. Я была потрясена этой великой трагической шекспировской сценой.

Это был выдающийся смертельный актерский номер неизвестного блаженного русского артиста, неизвестного солдата нашего праведного русского искусства, благородно и героически выступившего перед откормленными, оголтелыми немцами, зомбированными на убийства нервотиком Гитлером.

Тогда, в том злопамятном 43 году, я поняла, что даже если артист публике нравится и ему дают дотанцевать свой непревзойденный номер – его могут затем безжалостно убить - под дружный хай и вой мужской пивной.

Такое пивное, мужское казнилово было и со мной после моего ошеломительного успеха в советской любимой стране, в любимом народном фильме «Карнавальная ночь».

Карнавальных драконов у китайцев принято сжигать! У нас – у русских праздничных приказчиков в сапожищах с каблуками для

наклёпно-стукачного репа – успешных девочек дюймовочик
Людмилочек принято превращать в доносительниц.

А если ты сопротивляешься – пытать и добивать тебя, зарвавшуюся
тёлку, после твоего космического взлета культурного. Когда ты
размечталась, что славой «Карнавальной ночи» заработала Вечность
себе...

Вечность Благодарности, Любви, Верности, Дружбы и Преданности
всех людей, которым фильм дал надежду дальше честно и с любовью
жить.

Но... Получила славу – значит ты колдунья. И как в средние века –
такую девочку на розги и шипы – с отрубом симпатичной головы.

Поёт песню «Эх, дороги...»

А когда немцы оккупировали Харьков – мне было шесть лет. Вот с
шести лет я и начала свое жизненное убийственное кафкианское
обучение на фашистских казнях.

Во время немецкой оккупации нас харьковчан эсэсовцы часто
выводили на площадь. Там казнили партизан и других достойных
советских людей, оказавшим им фашистам сопротивление.

Я сначала, в свои шесть лет не понимала, что происходит, когда живого
человека ставили на скамейку под перекладиной – под виселицей.

Потом на его шею накидывали веревку с петлёй от этой
перекладины-виселицы.

Потом из-под ног этого человека выбивали скамейку и человек
оказывался в воздухе, подвешенным за шею на веревке.

Потом живой человек дергался, издавал предсмертные хрипы и
затихал наш родной, живой, героический человек, повешенный
немцами.

А я, девочка в шесть лет, не осознавала, что такое смерть.

Я не понимала, что тогдашние казни немцами советских людей – это наказание нашим героическим людям за то, что они захотели оставаться свободными и честными.

Что они приближали нашу общую победу – одну на всех.

Победу - после которой мы все стали свободными и счастливыми, смогли научиться петь, танцевать, поступить к Герасимову во ВГИК на актерский факультет.

Потом идти как-то по Мосфильму с приталинной юбочкой, как Дюймовочка - показывая всем окружающим эту свою несравненную осиную талию.

А тебе навстречу Иван Пырьев!

Он тут же ведет меня на съемочную площадку, где Рязанов снимает свою «Карнавальную ночь»!

Меня утверждают на эту космическую главную роль вместо какой-то невротической актрисульки!

И вот через четыре месяца съемок в натуральных декорациях театра Легендарной Советской Красной Армии – фильм выходит на экраны, буквально, всех советских кинотеатров!

И в один миг я, как Гагарин, становлюсь заслуженно всесоветски знаменитой актрисой!

Но..., но после бесподобной «Карнавальной ночи» мне комитетчики предлагают петь в концертах с VIP персонами советского союза, чтоб затем на них стучать! А в 1957 году меня просто вербовал КГБ для работы на Всемирном фестивале молодежи и студентов.

А я – элементарно просто посылаю их всех за такие предложения на три сакральных буквы с ударением на У.

Мне погонные товарищи в отместку говорят, что за этот мой посыл их на три буквы с ударением на У - меня сотрут в опилки с ударением на сучка.

И... держат слово профи-соглядатые - дятлы-дровосеки-стукачи. Эта живность очень любит держать свое барабанное слово.

Мне по их наущениям не дают главные роли в течении долгих 15 лет.

И все эти пятнадцать лет каждый день мне снились эти фашистские казни.

Меня, как Зою Космодемьянскую, за то, что она совершила народный подвиг - ведут на казнь босую по колючему снегу и вешают.

Вешают, вешают, вешают...

НО! Вешают в наше мирное время - наши родные ищайки товарищи-тварищи.

А тогда, в реальной харьковской фашистской оккупации, в свои шесть лет, я все же реально почувствовала, что казнь, смерть – это что-то самое мерзкое и отвратное, что одни люди могут придумать и сделать другим людям.

Я во время этих казней втыкалась в живот своей мамы своим личиком, чтобы ничего этого ужасного не видеть.

Но немец, который следил за четким исполнением всех деталей казни – подходил к нам с мамой и рукояткой от хлыста выворачивал мое лицо из живота моей мамы. Чтобы я все видела, все запоминала – как это действительно страшно, невыносимо страшно смотреть – как одни зубоскальные люди в отглаженной немецкой фашистской форме вешают других, наших родных героических советских людей в разорванной, окровавленной, старой замызганной одежде.

Я понимаю – у немцев был приказ Гитлера – чтобы мы - советские гайдаровские дети не становились, когда вырастим, партизанами, воюющими против этих извергов фашистов...

Поэтому мы и должны в свои шесть лет видеть, что бывает за партизанскую борьбу против немецких фашистов.

Но я тогда стала понимать совсем другое: немецкие фашисты – это черви, которые неизвестно как пролезли сквозь нашу землю, выползли у нас во дворе и которых надо давить, давить и давить, как тараканов, чтобы их просто не стало на свете.

Я формировалась, как вы понимаете, далеко не толстовской девушкой, готовой подставить правую щеку, когда тебе врезали со всего размаха в кровь по левой!

Мой характер с шести лет формировали фашистские казни. И именно, благодаря этому – я стала понимать, что такое хорошо, а что такое плохо.

Это в жизни самое главное. Говори - да-да, нет-нет.

Я четко понимала, что советский героический парень, дерзко и смело крикнувший перед смертью на виселице победные слова – За Родину! – это самый славный наш русский человек, наш солдат, очень похожий на моего папу, ушедшего на фронт добровольцем.

Партизанский наш простуженный солдат...

Пострадавший за нас, отдавший жизнь за нас, чтоб мы сейчас с вами говорили на нашем родном русском языке и понимали друг друга с полуслова и любили друг друга вечно!..

Простуженный солдат зимой в окопе, снег
Три часа утра, врага атака танками пошла
У солдата воспаление лёгких, пенициллина нет
Нет койки тёплой для него в ближайшем лазарете
Простуженный солдат не хочет больше жить
На снег он кровью харкает с температурой сорок
Ближайший танк врага в ста метрах от него
И прёт стволом вперёд на пешего солдата
Солдат встаёт и в полный рост с улыбкою идёт на танк с гранатой
И кажется ему – любимая летит навстречу вместо танка
И держит он в руке цветы, а не гранату
Обнять любимую так хочется ему,
что даже танк заморожен и не стреляет
И время остановлено войны на миг любви солдата с танком
А в следующий миг снаряд из танка влетает в грудь солдата
Пенициллина нет и больше он не нужен
Солдат упал, он мёртв, и больше не простужен

А вот немецкий солдат, выбивший из-под нашего героического паренька скамейку – был не знающим что творящим червём и тараканьим гадом.

Помню, я тогда сильно переживала, что я не мальчик – не воюю и не могу убивать врага в честном бою на поле битвы.

Но парадокс - оккупационных харьковских немцев, с которыми мы жили в городе целых два года – мне не хотелось убивать.

Я даже не научилась их ненавидеть. И не оттого, что многие немцы мне давали еду после моих детских концертных выступлений перед ними. Благодаря чему мы с мамой и выжили.

А когда в 44 году в Харькове показывали немецкий фильм «Девушка моей мечты» с Марикой Рекк - я безумно влюбилась в эту немецкую актрису и стала петь ее песни нашим оккупантам на их родном немецком языке.

И я поклялась себе, что стану такой же знаменитой и обворожительной актрисой, но только, естественно, русской - как эта бесподобная немка Марика Рекк, которая, конечно, далеко не Марлен Дитрих, на двух октавах сделавшей себе мировое имя.

Мне реально жалко Жана Габена, который любил эту диву Дитрих в страусиных перьях.

Но никакая Марика Рекк не пережила от своих, казалось бы, поклонников самцов, таких мучительных гестаповских пыток, что достались мне от своих же. Никто ничего не понимал. Вроде все как правильно. Но можно было получить по морде, и никто не знал откуда полетел кулак...

Приговорили к смертной казни
За то, что был самим собой...
«Предатель родины ты мальчик» -
Сказал мне следователь злой.

«Ты будешь гнить, тварь, неизвестным
В сырой земле с дырой во лбу -
За то, что захотел повеситься,
А не работать на тайгу.

За то, что ешь ты макароны -
Как будто хочешь блевануть,
За то, что на мои погоны
Тебе так хочется рыгнуть,

За то, что, сука, улыбаешься,
За то, что, курва, плохо спишь,
За то, что, падла, ты не каешься,
А сны крамольные глядишь».

И вот летели эти пули
Из пистолетов подлецов.
А кто стрелял – не знают дуры...
- «Там чей-то пальчик жал курок»...

Мы жили внутри всего этого... И меня, буквально, никто из режиссеров не приглашал сниматься в хороших главных ролях в течение пятнадцати лет - когда мне было от двадцати до тридцати пяти.

А это ведь самый цветущий, здоровый женский и актерский возраст.

Вдобавок наступила, так называемая, тирания маски «Карнавальная ночь» - девочки с улыбкой. В другой маске меня никто из режиссеров видеть не хотел.

Вот так и жила ваша известная актриса, которая стучать не захотела на друзей-знакомых - кто чего сказал и выпил там за что.

Папа, конечно, говорил, как мог, поддерживающие, выручающие слова – «хорошего человека судьба пожмет-пожмет – да и отпустит.»
«Клюковка, богинька» – так называл меня мой папа.

Я покупала клюковку в белой сахарной пудре и... ела себя поедом сама. Было даже иногда и очень вкусно – особенно с индийским чаем в коронной желтой упаковочке. Ностальгирую!

Но, слава Богу, что Судьба мне подарила на излете жизни – главное счастье – мгновенную смерть.

Как это было? Веселая история.

Вот на таких высоченных шпильках – я, уже совсем захлебнувшаяся своей горькой славой актриса, в норковой шубке, в новой России – в свои молодые семьдесят шесть лет - я выгуливала в центре Москвы, у своего дома, возле своего бюро счастья, двух своих карликовых собачек.

Ведь, когда умер мой таксик Тузик - я купила двух карликовых собачек. И вот зимой, я вышла их прогулять. Но не заметила голый лёд-гололёд.

Поскользнулась – очень смешно! Упала – совершенно дикий хохот! Сломала шейку бедра – ну, просто ржу как одержимая!

Потом через месяц мои легкие забились тромбами – во, старое клячное тело что вытворяет – какие чудаческие немощные фокусы!

Скорая помощь ехала двадцать бесконечнейших минут – это просто наш обычный цирк анекдотичный – ну и не успела, конечно, скорая помощь к любимой народом актрисочке, чтоб меня реанимировать – вытащить из того света обратно в этот свет.

Так и кончилась пленка - все просто ржут, а я еще и дирижирую, и делаю монтаж, и умираю со смеха!

Я отдала Богу душу в совершенно праздничном и веселом настроении – настроении «Карнавальной ночи».

Так – к Богу пришла и отдала в закрытом, запечатанном конверте свою Душу.

Ну, чтоб спокойно - у себя дома Бог открыл мой конверт, вытащил мою Душу, надкусил её может быть, попробовал на зубок, язычок. Ну, я не знаю точно, как это там у него делается - у Бога – перед тем, как в Рай отправить человека или в Ад.

Может быть не так вульгарно у Бога с нашими Душами там делается, конечно – не как у барахольщика оценщика золотых и бриллиантовых сокровищ и реликвий в земном нашем царстве продажном людском.

Все в мире справедливо сбалансированно.

Норка за что отдала душу, когда с нее сняли шкурку, из которой мне сделали шубку? Та норка мне и отомстила через карликовых собачек, которых я вышла прогулять.

Отомстившая мне норка была с моими карликовыми собачками на астральной собачье-норковой связи. Они же карликовые собачки – специально меня потянули за поводок – что б я на скользкий лёд ножкой и вдребезги!

Но, как совершенно правильно сказал Никита Михалков о моём уходе, что если б меня поставили перед выбором – уйти из жизни так мгновенно, без мучений с тромбом в лёгких, или комнатным растением,

за которым некому ухаживать - то я бы предпочла первый вариант именно такого летального улёта.

Только вот после смерти взлететь на небо как-то реально-детально не получается, как получилось тогда мне на небо вспорхнуть - после звездной «Карнавальной ночи»! *(Плачет)*.

На самом деле моя реальная жизнь закончилась еще раньше - когда умер мой неповторимый и любимейший пятнадцатилетний внук Марик...

Я и не знала, что Марик увлекается наркотиками.

Кто-то увлекается спортом, кто-то театром, кто-то любит летать на самолетах, а Марик любил летать после приема наркотиков. Ну и ... улетел...

Не он первый.

Только, вы понимаете – Марик – это первый и последний – это мой единственный и вечно живой, безмерно мною любимый внук - мой родной внук Марик. *(Плачет)*.

Я приходила часто к своим двум Марикам на ваганьковское кладбище. К Марику папе и к Марику внуку.

Когда я долго – больше месяца у них не бывала на кладбище – мне было очень плохо на душе.

А теперь – я на Новодевичьем, они – мои Марики на Ваганьковском кладбище лежат. Что может быть печальнее на свете, друг Гораций.

Теперь от этого кладбищенского вечно нашего семейного разлучения - я умираю бесконечно, в своей такой холодной, одиночной смерти, здесь, на Новодевичьем кладбище без моих Марики, которые остались тоже одни на Ваганьковском кладбище.

Это самое невыносимое мучение – одиноко вечно умирать в своей собственной невыносимой смерти от непреодолимой, сверх смертельной разлуки.

Марик умер в свои пятнадцать лет. И я не получала роли после «Карнавальной ночи» пятнадцать лет.

Вы – мой народ - тоже три пятилетки - были обделены моим творческим и человеческим вниманием к вам.

Я страдала в эти годы без съемок от того, что мой народ через мои экранные образы не получает возможности видеть, как надо по моему горькому опыту избавляться от чудовищных наших внутренних, зацикленных, всенародных страданий.

Спасаться Любовью и Творчеством. Только любовью и только творчеством можно спастись.

Поёт песню «Случайный вальс»

Хотя, на самом деле, лучше к своим страданиям привыкнуть и получать от своих страданий мудрость жизни.

Потому что без этого нашего страдальческого удобрения – нашего горького русского страдания – мы сразу начнем дурнеть и вянуть, идохнуть, как мухи.

Будем тупо радостно жрать сникерс и как быдло, весело, слащаводохнуть от него!

Но мне тогда, молодой девушке, было далеко до таких рассуждений. Мне надо было тогда погрустневшей девушке на что-то элементарно выживать.

Я была очень гордой и независимой барышней. Конечно, я спешила жить.

И всегда бежала впереди своего счастья. Все от своего счастья обычно отстают. А я бежала далеко впереди своего счастья и тоже в него не попадала – в свое счастье.

Но когда ты бежишь впереди своего счастья – ты нагоняешь и попадаешь в несчастье своего ближнего, который бежит позади своего счастья.

И если ты действительно сильный и честный человек – тогда ты, наверняка, способен взять своего отстающего ближнего вместе с его несчастьем и приблизить его к его счастью.

И хотя ты не попадаешь, при этом, в поле своего счастья – ты счастлив счастьем ближнего, которому ты помог.

И если ты, действительно, способен быть счастливым от счастья ближнего – тогда ты – честный, чистый человек.

Я – эти пятнадцать несчастливых и простойных лет, летала самолетами аэрофлота и давала, давала, давала веселые, счастливые концерты по всему Союзу – по всей своей Родине.

Научилась еще шить и продавать самопальные платья. А в это время по стране «Карнавальная» ночь продолжала набирать свои триста пятьдесят миллионов просмотров в кинотеатрах.

А я на гонорар от «Карнавальной ночи» покупаю путевку в Сочи, но на билет в кинотеатр, чтобы посмотреть себя в «Карнавальной ночи» у меня денег уже не хватило.

А в это же самое время у Делона вышел фильм с Габеном «Мелодия из подвала».

Ну, там в фильме - Габен с Делоном едут в Монте Карло грабить казино. И все у них необыкновеннейшим образом красиво получается. Шикарнейшее, ювелирное, практически, Робин Гудовское ограбление.

Помните, финальную сцену из этого фильма - миллионы сграбленных франков у них уже в двух больших сумках.

Габен просит Делона принести эти сумки с деньгами на пляж. Ну, там такой в Монте Карло большой открытый – с бассейнами и барами пляж.

И вот появляется Делон с этими огромными сумками с деньгами и Габен его сидит и ждет в кафе напротив ... и тут – полиция.

Да, мои дорогие товарищи – обыденная полиция, чтобы ловить достойнейших людей - Жана Габена и Ален Делона, которые вчера ночью не спали, а гениально ограбили казино Монте Карло.

И, заметьте, без единого выстрела – без пролитой крови. Ну, Делон там кого-то мягко по затылку врезал, чтоб не дергался и вел себя правильно. Ну, они же с Габеном ограбили каких-то неприятных полумошеннических заправителей казино.

И вот это появлению полиции – как появление в моей судьбе органов после «Карнавальной ночи», чтоб я стала лярвой их продажной.

Такие опрятные, но, одновременно, неприятные типы – все эти шпики полицейские вечные смотрящие.

Ходят по пляжу, мимо Делона, мимо открытого кафе, бассейна, мимо этих сумок с деньгами, которые Делону надо передать Габену и скрыться от этих всех фашистких полицаев.

Жана Габена дома ждет очень хорошая и верная жена.

Алену Делону тоже надо устраиваться как-то в этой жизни после тюрьмы, где он несправедливо провел несколько лет за наркотики...

От которых Марик – Бог ты мой Марик...

И вот Делону ничего не остается делать, как только очень осторожно опустить и утопить эти сумки с деньгами в бассейне.

Да – они так беззвучно и медленно опускались на дно бассейна эти сумки полные денег.

Я так была рада за Делона. Нашел же он выход на глазах у множества

ходящих мимо него в двух шагах пакостливых полицейских – из, казалось, самой безнадежной ситуации.

Ален Делон нашел выход!

Очень тихо, нежно и осторожно он опустил сумки с деньгами на дно бассейна.

И что же вы думаете. Какой-то там технический служака при этом бассейне, который чистит эти бассейны – открывает какой-то там клапан в этом бассейне – приводит в движение подводные течения на

дне бассейна, где покоятся сумки с выстраданными деньгами Делона и Габена.

И деньги из сумок начинают всплывать!!!

Мне на этой сцене, реально, стало плохо.

После «Карнавальной ночи» я реально не могла видеть, когда деньги всплывают и не достаются тем людям, которые их заслуженно заслужили.

Ведь как нужны эти деньги, чтобы не спиться и не стать наркоманами, а быть всегда хорошо подстриженными, в чистых рубашечках, платьицах с осиновыми талиями и работать, работать и работать.

Актер не может без работы. Без работы актер умирает.

Вы представляете, мои дорогие, когда заработанные честным, каторжным, актерским нервным трудом деньги всплывают и уплывают.

Много миллионов западных денег в валюте уплывают, на которые можно купить яхты, виллы, корабли, пароходы и не шить по вечерам платья после «Карнавальной ночи», когда мне были отрезаны все выходы в качестве актрисы – выходы к вам – моим любимым советским героическим зрителям.

И вот эти, практически, те же заслуженно заработанные деньги «Карнавальной ночи», классического Робин Гудского карнавального, блистательного делоновского ограбления - эти деньги начинают всплывать и... улетучиваться.

Это абсолютно точное образное мое состояние в те ужасные годы, когда после бешеного успеха «Карнавальной ночи» - как и после шикарного ограбления ночного казино в Монако – все деньги у меня и у Делона всплыли и достались полиции и тем же пройдохам мошенникам из казино, которые наверняка коррупционно поделились с кем надо. Полиция.

Ну, а разница между Делоном и мной была только в том, что мой француз играл этого персонажа с всплывшими деньгами в кино и получал за это кино-чудо из своей актерской кассы достойные валютные гонорары на заслуженную звездную жизнь.

А я, Людмила Гурченко, проживала свою реальную звездную жизнь, практически, в полной нищете без заслуженной работы и куска даже черствого хлеба.

Только в 1966 году меня снимут с Олегом Борисовым в «Рабочем» поселке и только в роли второго плана.

После «Карнавальной ночи», к тому времени, прошло одиннадцать дождливейших лет. В результате этот полу диссидентский фильм потом еще куда-то задвинут на полку.

Конечно потом - я им всем доказала и показала, что мои годы страданий не прошли даром – я научилась понимать и любить отстающих от своего законного счастья русских людей, бегущих за своим ускользающим счастьем.

И я таким страдающим за правду людям, попыталась дать подмогу героиней фильма «Старые стены».

Много Бога в Старых Стенах порушенных церквей.

В «Старых стенах» я солировала.

Джигарханян там мне немного подыграл в начале фильма и в конце. Он мне лично благодарно-благородно признавался, что не понимает, как я могу на ровном месте достигать таких космических высот актерски человеческих.

Он там немного летчик дальнобойщик. Но я его – любимого Джигарханяна затмила, конечно. Без умысла и зла.

Так все просто получилось естественно. Бог меня там поддержал. Там, где поддерживает Бог - не может возникнуть чувство дешевого самолюбования, тщеславия и тем более, зла.

Там весь фильм на мне и на Боге. Пожалуй, единственный фильм на одной мне и на одном Боге.

Но у меня еще был фильм Божественной Любви – на мне одной и Боге!
«Любимая женщина механика Гаврилова».

Там я ждала всю ленту бесподобного русского запойного рыцаря мужчину своего Серёженьку Шакурова... Своего Серёженьку Сенина –

моего русского реального Алена Делона, которого судьба мне наконец послала в награду за бесконечные мучения.

Поёт песню «Сердце в груди»

А до этого были еще конечно «Пять вечеров» Никиты Михалкова. Там Бог был реально во Всём!

А в 1979 году на каннский кинофестиваль привезли «Сибириаду» Андрона Кончаловского. Там я эротически блистательно играла психологическую систему Станиславского с Никитой Михалковым.

Я просто волшебным образом и творчески с ним слилась, дрожа и резонируя – с нашим русским Аленом Делоном – Никитой Михалковым.

И целовалась я с Никитой в кадре бесподобно - от души - по Станиславскому – как олимпийская чемпионка актрисочка гимнасточка крутила актерское сальто любви и не чувствовала боли от недавно сломанной ножки своей.

За что, от Андрона Кончаловского, удостоилась искренней завидной похвалы.

Но со Славой Любшиным в «Пяти вечерах» я целоваться перед Никитой Михалковым режиссером не смогла. Прости меня, Никита – но перед тобой - любимым человеком и режиссером, подарившем мне роль в этих «Пяти вечерах» я с блаженным Любшиным целоваться не смогла по Станиславскому.

Ты бы не поверил тем моим только искусственным возможным поцелуям, Станиславский-Михалков. Но фильм у нас получился очень хороший. Черно белый фильм как радуга цветной! И понятный очень многим. Практически всем.

Я всегда хотела быть понятной всем и играть народные образы.

Извиняюсь, как Пушкин – я хотела создавать народные, объемные, немеркнущие с годами образы.

Это самое сложное в искусстве.

Я шла в своем творчестве на эту актерскую и человеческую высоту - вертикального гагаринского взлета.

А в России в это время наступает 1975 год. Время выхода на широкий советский экран фильма Эльдара Рязанова «Ирония любви, или с легким паром».

Безусловно – я пробовалась на роковую роль Надежды в этом фильме. Еще бы! - Рязанов, после новогодней, бесконечно успешной «Карнавальной ночи» меня не попробовал на эту роль.

Но как выяснилось – на роль русской девушки Нади в «этой» ленте Рязанову нужна была сверх рафинированная полячка Барбара Брыльска.

А я с измороженной русско-советской судьбой, после десяти лет простоя – после его же гениальной «Карнавальной ночи», когда я столько мучительных лет бежала по жизни впереди своего счастья – ему, в тёплых тапочках домашнему, добрейшему Рязанову – я, по Духу и Уму, в тот момент ему не подходила.

Но ведь в этом фильме я бы, как всегда, играя себя, бежавшей впереди своего счастья – ну, притормозила бы немножечко, Рязанов – снизошла и помогла бы - по-рыцарски подтолкнула в счастье того же Мягкова, который всегда далеко позади этого счастья-несчастья своего.

И мы бы так потом небесно с ним были в этом фильме счастливы.

А ты бы получил, Рязанов, великую, мужественную, лирическую картину, уровня небесного страдания твоего же «Вокзала на двоих».

Бог ты мой - божественный Рязанов!

Если б я снимала этот фильм – я бы обязательно вместо Мягкова на роль Лукашина поставила тебя, и сама бы с тобой сыграла в этом фильме вместо Барбары Брыльской. Ты бы просто стал Делоном от моих страстей, Рязанов!

Дорогой Рязанов... Милый мой Рязанов... За «Карнавальную ночь» - ни «Вокзалом на двоих», где я сыграла абсолютный вертикальный

гагаринский космический взлет с Басилашвили - ты со мной и со всем сердобольным человечеством, в лице русского народа, не расплатился.

И мне три года оставалось ждать «Пять вечеров» Никиты Михалкова.

И в результате - лучшую свою роль любви я сыграла там со Славой Любшиным. Любшин - Христиански сверх человеческий Актер.

Существовать с Любшиным в кадре – это как существовать в кадре с ребенком – никогда не переиграешь.

Ещё один наш сверх-актёр ребёнок так похожий на моего папу был только один несравненный народный разносчик анекдотов - Юра Никулин.

Он мне и был ниспослан во Спасение.

С Юрой Никулиным мы снимались в «Двадцати днях без войны» Алексея Германа.

В этом фильме я сама себе очень нравлюсь. Попала под обаяния прекрасного человека Юрия Никулина, захотела ему понравиться и вот – сама себе тоже очень нравлюсь – своей скромностью и рафинированной интеллигентностью.

Обычно я пересматриваю фильмы со своим участием, где я сделала реально что-то архи-необычное.

В «Двадцати днях без войны» у документально точного Алексея Германа, который снимает свои фильмы десятилетиями, а сцены годами – гениально может сыграть любая актриса и актер.

Хотя, мне говорят, что лучше меня с Юрием Никулиным в «Двадцати днях без войны» не сыграл бы никто. Спасибо тебе, Леша Герман, что ты свел меня в своём военном фильме за нашу любимую Родину меня и Юру Никулина – моего Актерского Отца. Спасибо.

Когда снимали фильм - Никулин без конца травил военные анекдоты про Штирлица:

Мюллер шел по улице. Вдруг ему на голову упал кирпич. "Вот те

раз," - подумал Мюллер. "Вот те два," - подумал Штирлиц, бросая второй кирпич.

Штирлиц вышел из дома и наткнулся на сук:

- Шли бы вы домой, девочки, война все-таки.

Раздался выстрел. По свисту ветра в голове Штирлиц понял, что ранение сквозное.

Ранение сквозное...

А Ален Делон сейчас в Париже играет со своей двадцатилетней дочкой спектакль для любящих и ценящих его людей. А я со своим любимым внуком Мариком смотрю с неба на это величайшее счастье Алена Делона и его любимейшей дочки - играть на сцене с самым близким и родным – любимым человеком на земле – играть для зрителей любимых – и так счастливо вместе дальше жить!!!

Человек, что умрет в моей пьесе -

Кожу снимет сначала и повесит ее на стуле.

А стул скажет – жмет плечи -

Ваша смерть не моя проблема.

А роза в вазе заступится

И приведет в пример вазу хрустальную -

Я умираю в вазе и ваза не против,

А только сверкает гранями разными.

А стул скажет – это Ваши проблемы.

И тут диван сердитый вспомнит -
Когда-то на этом стуле
Стоял человек с петлей на шее,
А когда стул выбили -
Ноги человека остались в воздухе.

А стул знал, знал, знал,
Что будет, когда Человека ставили.

А стул скажет это Ваша проблема.

Человек, что умрет в этой пьесе
Может снять свою кожу,
Но уважая стул -
Пусть бросит ее на землю.

У стула свои проблемы.
Тем более все это пьеса.

*Выбивает ногой табуретку из-под вазы с цветами
и «повешенная» ваза с цветами болтается в воздухе на виселице.*

Ничего личного. Просто вот жила на свете рядом с вами я когда-то -
Людмила Гурченко живая.

Поёт песню «Вечер на рейде»

Затемнение

Москва, 2017